

СВОЕОБРАЗИЕ СЮЖЕТА БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Б. ЗАЙЦЕВА “ЖУКОВСКИЙ”

Повесть “Жуковский” была написана Б. Зайцевым в 1952 году. До этого писатель уже обращался к жанру беллетризованной биографии. Первой была житийная повесть “Преподобный Сергей Радонежский”, напечатанная в 1925 году. В 1932 году появляется “Жизнь Тургенева”.

Примечательно, что в следующий раз писатель обращается к жанру художественной биографии лишь через двадцать лет в 1950-е годы. После “Жуковского” в 1954 году появляется повесть “Чехов”.

Исследователи биографических повестей Б. Зайцева отмечали, что “в них начисто отсутствуют творческий домысел и вымысел, они почти литературоведчески достоверны” [1, с. 14]. Подобная категоричность высказывания, конечно, обоснована творческими установками самого писателя, но, на наш взгляд, тщательный анализ его произведений показывает известную ограниченность подобного суждения.

Да, сюжет повести “Жуковский” базируется на документально подтвержденных сведениях жизни поэта. Но художественная достоверность повествования основывается не только на этом. Б. Зайцев постоянно предлагает читателю окунуться в атмосферу происходящего, чему способствует домысливание писателем эффектных деталей.

Описывая историю появления матери Жуковского, турчанки Сальхи, привезенной в качестве военного трофея, в доме А. И. Бунина, писатель так сообщает о реакции Афанасия Ивановича на подарок рекрута: “*Может быть* (выделено нами – А. И.), *тот велел поднести ему чарку водки*”. Б. Зайцев, оставаясь в области предположений, не вмешиваясь, не давая этических оценок происходящему, предлагает читателю неожиданный ракурс события.

“*Может быть*”, “*можно думать*” – эти обороты используются Б. Зайцевым постоянно. Писатель понимает, что важны оттенки, полутона. Категоричность там, где речь идет о становлении человека, тем более поэта, неуместна. Можно лишь предположить, заставив и читателя сомневаться в однозначной трактовке происходящего.

Не сам факт рождения художника, а многочисленные обстоятельства, способствовавшие развитию таланта, пробуждению интереса к искусству, в центре внимания Б. Зайцева. Писатель понимает, что однозначная трактовка поступков творческой личности невозможна; всегда приблизителен разговор о повлиявших на нее людях и событиях. Потому, например, уклончивы его

высказывания о влиянии семьи на становление поэта: *“Может быть, чисто плодотворно было и странное положение его в семье”*. Столь же осторожны оценки опыта общения Жуковского с великой русской княгиней, в будущем императрицей Александрой Федоровной: *“Может быть, с некоторого конца и подходили они друг другу, даже друг в друге нуждались, так что не зря получил он назначение преподавать ей русский язык и литературу”*.

Зайцев постоянно позволяет себе небольшую игру воображения, описывая внешний облик поэта. Вот портрет Жуковского, идущего из Мишенского в Белев на урок к Протасовым. *“Охотно видишь в весенние, летние дни романтическую фигуру в плаще, может быть, в шляпе широкополой, из-под которой кольцами вытются кудри, шагающую среди тульских полей к скромному домику в Белеве – там ждет строгая маменька и две тоненькие девочки”*. Эта домысленная картина также включает непреломный оборот *“может быть”*.

Основываясь на документах и фактах биографии Жуковского, Б. Зайцев выстраивает сюжет повести, сообразуясь не только с ними, но и с одной из важнейших мыслей, владеющей им, определяющей логику повествования, – жизнь поэта проходит под знаком Судьбы, есть высшая сила, ведущая поэта. Все в его жизни происходит в установленный час. *“Много лет назад, еще во времена Мерзлякова, сын турчанки и русский европеец мечтал уже о Западе – собирался в Геттинген. Тогда это не осуществилось: не был он готов* (выделено нами – А.И.). *В отечественную войну сверстники его Европу увидели, докатились до самого Парижа. Но он заболел и не докатился. Теперь не он болел, но ему пора видеть новое* (выделено нами – А.И.). *Художник созрел в нем”*. Задача, которую ставит перед собой писатель, – дать истинную биографию не только Жуковского-поэта, но и Жуковского как православного христианина. А это предполагает совершенно иную оценку многих общеизвестных фактов, а также иной способ повествования о них, где с неизбежностью вступаешь в область аккуратных предположений.

Писатель неоднократно меняет последовательность изложения событий, возвращая читателя к тому, что уже было раньше. При этом он предстает перед читателем как лицо, активно влияющее на сюжет. Автор сообщает определенные сведения из жизни Жуковского не в их хронологической последовательности, а в тот момент когда это диктуется логикой повествования. *“В повествовании своем поворачиваю назад, снова к Дерпту”*.

Б. Зайцев, создавая художественную биографию Жуковского, использует домысел, практически полностью отказавшись от вымысла персонажей и событий.

Литература

1. Прокопов Т. Восторги и скорби поэта прозы (Мемуарно-биографические книги Бориса Зайцева) // Зайцев Б.К. Далекое. – М., 1991.